

О неснятом и непреодоленном (И.Г. Фихте, Г. Гирндт и неофихтеанство)

Н.В. Громыко

Статья знакомит читателей с творчеством Гельмута Гирндта – крупнейшего специалиста по философии И.Г. Фихте, одного из ведущих представителей неофихтеанства в Германии, организовавшего в 1987 г. по инициативе своего учителя Р. Лаута Международное фихтевское общество автора большого числа фундаментальных исследований по трансцендентальной философии, убежденного ее приверженца. Философия Фихте, направленная на создание деятельностной теории мышления и знания, «не снята» и «не преодолена», она представляет собой самостоятельную, альтернативную гегелевской, программу духовного развития человечества, которая как никогда актуальна сегодня – такова вкратце позиция Г. Гирндта. Обращение к его работам позволяет выявить те остро-дискуссионные, сверхактуальные вопросы, которые делают Фихте по-настоящему интересным сегодня, несмотря на многообразные клише, «закрывшие» наукоучение для вдумчивого чтения и понимания. К числу таких вопросов можно отнести: возможно ли обожение человека через мышление, что такое свет, сопровождающий акты интеллектуального созерцания, насколько наукоучение Фихте может выступать методологической основой для компаративистских исследований разных типов феноменологий, для выстраивания межкультурного, межцивилизационного диалога.

Вниманию читателей автор статьи предлагает свое интервью с Г. Гирндтом (2017 г.), в котором тот реконструирует собственный путь в науке и разъясняет основные задачи современной трансцендентальной философии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: И.Г. Фихте, Г.В.Ф. Гегель, Г. Гирндт, Наукоучение, трансцендентальная философия, мышление, созерцание, свет, исихазм.

ГРОМЫКО Нина Вячеславовна – Институт опережающих исследований им. Е.Л. Шифферса, Москва, 123242, М. Конюшковский пер., д. 2.

Доктор философских наук, руководитель направления «Эпистемические технологии».

gromyko_nina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 25 мая 2018 г.

Цитирование: *Громыко Н.В.* О неснятом и непреодоленном (И.Г. Фихте, Г. Гирндт и неофихтеанство) // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 148–152.

Профессор Гельмут Гирндт (род. 1934 г.) – один из ведущих представителей неофихтеанства в Германии, ученик Рейнгарда Лаута (1919 – 2007), положившего начало двум крупным культурным явлениям – Мюнхенской школе трансцендентальной философии [Громыко 1993; Громыко 1994], а также изданию Полного собрания сочинений И.Г. Фихте под эгидой Баварской академии наук.

Еще в 60-е гг. Г. Гирндт поставил перед собой задачу разобраться, насколько Гегель действительно «снял» наукоучение Фихте. Результатом его исследований стала диссертация, которая была опубликована в 1965 г. в виде книги, озаглавленной «Die

Differenz des Fichteschen und Hegelschen Systems in der Hegelschen Differenzschrift» («О различии фихтевской и гегелевской систем в гегелевской работе о “Различии [философских систем Фихте и Шеллинга]”») [Girndt 1965]. Как говорит сам Гельмут Гирндт в публикуемом ниже интервью, «...речь шла о первом критическом исследовании Гегеля с позиции трансцендентальной философии Фихте, в то время как принято было обратное – философию Фихте трактовать с позиции Гегеля, и в России она до сих пор трактуется именно так» (см. ниже. с. 152). «Гегель, – пишет Г. Гирндт, – не только не понял оснований трансцендентальной философии, но, кроме того, его собственная философская позиция, отстаиваемая тогда совместно с Шеллингом, была полностью несостоятельна» (Там же). В диссертации Гирндта было убедительно показано, что Фихте еще в ранних работах, причем по всем пунктам, ответил на критику Гегеля, продемонстрировав ее несостоятельность. Поэтому следует признать, что Гегель нисколько не «преодолел», хотя и надолго «политически» оттеснил трансцендентальную философию Фихте – альтернативную гегелевской и обладавшую гораздо более мощным методологическим потенциалом.

Гельмут Гирндт – убежденный последователь трансцендентальной философии Фихте. Он активный организатор международных конгрессов, конференций и семинаров, которые проводит созданное им в 1987 г. по предложению Р. Лаута Международное фихтевское общество (Internationale Johann Gottlieb Fichte-Gesellschaft). Ряд лет Г. Гирндт был его председателем. Под его председательством в 2000 г. в Берлине был проведен и IV Международный конгресс Фихтевского общества, в котором приняли участие свыше ста исследователей наукоучения из разных стран мира. Г. Гирндт является также основателем *Fichte-Studien*, издаваемого Фихтевским обществом (на основе материалов проведенных конференций и конгрессов издано уже 44 сборника).

Мне посчастливилось познакомиться с профессором Гирндтом в 2003 г. на Мюнхенском конгрессе Общества, а в 2005 г. он приехал в Москву и принял участие в Конгрессе памяти Н.Г. Алексеева («Институциональные практики мышления: когнитивные институты и эпистемические сообщества», Институт опережающих исследований им. Е.Л. Шифферса, март 2005 г.), выступив с докладом «Есть ли выход из существования в “подполье” по Достоевскому?» (*Is there any way out of Dostojewkij's existence in the underground?*). В сентябре 2015 г. Г. Гирндт по приглашению МГУ (и при моем участии) сделал два доклада на философском факультете – перед преподавателями и студентами. В июне 2016 г. он выступил с двумя докладами перед аналогичной аудиторией СПбУ, а в октябре 2017 г. в Санкт-Петербурге по его инициативе (на базе философского факультета СПбУ) был проведен Международный конгресс «Основные черты современной эпохи: история и современность с философской точки зрения». Так стараниями Г. Гирндта продолжилось углубление философско-научных связей между Россией и Германией.

Г. Гирндт – автор множества работ, посвященных проблемам трансцендентальной философии. Вниманию читателя журнала «Вопросы философии» предлагается перевод двух важных материалов: интервью с профессором Гирндтом, данное для журнала «Вопросы философии», в котором он рассказывает о своем научном пути, связанном с многолетним изучением философии Фихте, и статьи «Философия света Иоганна Готлиба Фихте» – авторской переработки (предназначенной для публикации в «Вопросах философии») доклада, произнесенного перед студентами МГУ.

Мне представляется очень важной установка Гирндта на то, чтобы всерьез относиться к «универсалистской» интенции трансцендентальной философии» – к стремлению Фихте построить целостную, всеобъемлющую деятельностную теорию мышления и знания. В современных условиях, когда так востребован деятельностный подход в осмыслении мышления, эта интенция носит чрезвычайно актуальный характер.

Интересен, хотя и далеко не бесспорен, тезис Гирндта о наукоучении Фихте как основе компаративистских исследований христианства и буддизма, способных осуществить синтез этих религий. На мой взгляд, речь должна идти не о синтезе как слиянии-неразличимости (причем за счет чисто теоретического выявления общего христианству и буддизму идейного содержания), но о диалоге религий, когда одна вглядывается в другую, максимально сохраняя самобытность (см.: [Генисаретский, Зильберман 2001; Шифферс 2001]). В этом диалоге Фихте, безусловно, представляет

сторону христианства, а главный вопрос, который стоит в центре его наукоучения, — **возможно ли обожение человека через мышление?** Ответ на этот вопрос Г. Гирндт и пытается реконструировать в статье «Философия света Иоганна Готлиба Фихте». Он обращает внимание на то, что для Фихте мышление и Свет суть взаимосвязанные феномены: акты мышления отождествляются им со вспышками света; свет же есть не что иное, как способ существования самого Абсолюта, Бога. Это — один из основных тезисов, отстаиваемый Фихте на протяжении всего Наукоучения 1805 г.: «Бог существует не *в свете*, но *как свет*. А именно — как абсолютный, просто порождающий самого себя свет. Не *в*, но *как* — Его Существование есть порождение света» («Gott existirt nicht *im Lichte*... sondern Gott existirt *als Licht*; u. Zwar als absolutes, sich selbst schlechthin erzeugendes Licht. Nicht *in*, sondern *als* — Sein Existiren ist erzeugen des Lichtes») [Fichte 1984, 62].

Согласно Г. Гирндту, читая текст Фихте, мы и сами в процессе *самопреобразовательной* работы — в актах интеллектуального созерцания (*intellektuelle die Anschauung*) — можем пережить вспышки этого духовного света. Работа по *самопреобразованию* предполагает, с одной стороны, культивирование таких состояний сознания, в которых происходит интеллектуальное созерцание, а с другой — «выращивание» новых, *духовных «органов»*.

Представляется интересным, исходя из всего сказанного, взглянуть на наследие Фихте с точки зрения концепции света, существующей в православии — в исихазме. К сожалению, традиция исихазма неизвестна неохихтеанцам, а отечественные исследователи исихазма, как, например, С.С. Хоружий, в свою очередь, не знакомы с тем Фихте, которого «открыл» нам учитель Г. Гирндта Р. Лаут. Так, судя по всему, С.С. Хоружий опирается в своих выводах только на раннее Наукоучение (1794 г.) и потому вслед за Гегелем помещает всю философию Фихте в разряд субъективного идеализма [Хоружий 2010, 192], а кроме того, характеризует метод Фихте как спекулятивный, «гегелевский», который представляет собой, согласно автору «Фонаря Диогена», радикальную форму антиантропологизма [Там же, 195]. Соответственно, вопрос о том, кто сможет в настоящее время соотносить толкование света у Фихте и в главной мистической традиции русского православия, остается открытым.

Столь же открытым остается и вопрос об осмыслении созерцания света человеком, практикующим Наукоучение, т.е. остающимся в русле христианской традиции, и, например, йогом. Мне известен в этом плане только опыт Е.Л. Шифферса: «Святой Серафим Саровский договорился бы Падмасамбхавой, — вот в чем моя уверенность» [Шифферс 2001, 242], и далее: «Цветовая феноменология йогического опыта внутреннего безопорного и постоянного созерцания контролируется (а не только объектно-медитативно “представляется”!). Бесчисленные, единичные и мгновенные вспышки вступают в *голубоватом отсвете* в бесчисленные конфигурации потоков и свечений... И вот раб Божий во имя Господа Иисуса Христа во Славу Бога и Отца *может* сказать йогоу: Свет есть Нетварная Энергия, соотносимая с сущностью Троиственного Бога Живого. Свет сей просвещает всякого человека, грядущего в мир. Он — не тварен» [Там же, 244]. Прделанный Е.Л. Шифферсом опыт нетекстового, медитативно-практического сопоставления двух разных типов феноменологий требует, конечно же, своего продолжения. О том, что сегодня это — назревшая задача, свидетельствуют оба публикуемых текста профессора Гирндта.

Строить межкультурный, междивизиональный диалог, о котором говорится в предлагаемых ниже работах, и, несмотря на сложные геополитические условия, совместно создавать «общество развития», возможно, согласно Г. Гирндту, только с позиции трансцендентализма. Однако возникает серьезный вопрос: насколько последователи Фихте сумели сами выйти, «трансцендировать» за границы трансцендентальной философии Канта? Насколько они преодолели позицию гносеологизма? Не заменили ли они его (словесно) конструктивизмом? Насколько они овладели *деятельностным* подходом к интенсивно ширящемуся развитию разных областей знания? Насколько они владеют искусством трансцендентальной логики, связанным с таким типом работы, когда в процессе мышления требуется менять основания и вводить новое знание как элемент, который с необходимостью возникает из постановки проблемы?

Надеюсь, что в свете этих остро-дискуссионных вопросов статья Г. Гирндта и интервью с ним пробудят у читателя интерес к дальнейшему самостоятельному изучению трудов великого И.Г. Фихте.

Источники и переводы – Primary Sources and Russian Translations

Fichte, Johann G. (1984) *Wissenschaftslehre 1805*, Meiner, Hamburg.

Ссылки – References in Russian

Генисаретский, Зильберман 2001 – Генисаретский О.И., Зильберман Д.Б. О возможности философии. М.: Путь, 2001.

Громыко 1993 – *Громыко Н.В.* Мюнхенская школа трансцендентальной философии: историко-философские исследования. М.: ИНИОН РАН, 1993.

Громыко 1994 – *Громыко Н.В.* Мюнхенская школа трансцендентальной философии: методологические аспекты. М.: ИНИОН РАН, 1994.

Хоружий 2010 – *Хоружий С.С.* Фонарь Диогена. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010.

Шифферс 2001 – *Шифферс Е.Л.* Параграфы философии ученичества // Генисаретский О.И., Зильберман Д.Б. О возможности философии. М.: Путь, 2001. С.231–245.

Voprosy Filosofii. 2019. Vol. 5. P. 148–152

On the Unsublated and the Unovercome (J.G. Fichte, H. Girnrdt and neofichteanism)

Nina V. Gromyko

The article introduces the readers to the work of Helmut Girnrdt – the key specialist in the philosophy of J.G. Fichte, one of the leading representatives of neofichteanism in Germany, who organized the International Fichte Society in 1987 on the initiative of his teacher R. Laut, the author of a large number of fundamental studies on transcendental philosophy, a staunch supporter of it. The philosophy of Fichte, aimed at creating an activity-based theory of thinking and knowledge, is “not sublated” and “not overcome”, it is an independent program of the spiritual development of mankind, alternative to Hegel’s one, which is more relevant than ever today – this is the position of H. Girnrdt. Reference to the works of Girnrdt reveals the highly controversial, super-actual questions that make Fichte’s works truly interesting today, despite the diverse clichés that “kept out” the Science of Knowledge (*Wissenschaftslehre*) of thoughtful reading and understanding. Among such “open” questions are questions about whether a person is deified by thinking, what is the light, accompanying acts of intellectual contemplation and to what extent can Fichte’s Science of Knowledge be used as a methodological basis for comparative studies of different types of phenomenologies for building intercultural, inter-civilizational dialogue.

The author offers his correspondence interview with H. Girnrdt (2017), where he reconstructs his own path in science and explaining the main tasks of modern transcendental philosophy.

KEY WORDS: J.G. Fichte, G.W.F. Hegel, H. Girnrdt, Science of Knowledge, transcendental philosophy, thinking, contemplation, light, hesychasm.

GROMYKO Nina V. – Institute for Advanced Studies named after E. Schiffers, 2, M. Koniushkovskii per., Moscow, 2123242, Russian Federation.

DSc in Philosophy, Head of Epistemic Technologies Group.

gromyko_nina@mail.ru

Received on May 25, 2018.

Citation: Gromyko, Nina V. (2019) “On the Unsublated and the Unovercome (J.G. Fichte, H. Girndt and neofichteism)”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 5 (2019), pp. 148–152.

DOI: 10.31857/S004287440005065-6

References

Genisaretskii, Oleg I., Zilberman, David B. (2001) *On the possibility of philosophy*, Put, Moscow (in Russian).

Girndt, Helmut (1965) *Differenz des Fichteschen und Hegelschen Systems in der Hegelschen Differenzschrift*, H. Bouvier, Bonn.

Gromyko, Nina V. (1993) *Munich school of transcendental philosophy: historic-philosophical studies*, INION RAN, Moscow (in Russian).

Gromiko, Nina V. (1994) *Munich school of transcendental philosophy: historic-philosophical studies*, INION RAN, Moscow (in Russian).

Khorouji Serguei S. (2010) *Diogenes' Lantern*, Institut Filosofii, Teologii i Istorii sv. Fomy, Moscow (in Russian).

Shiffers, Evgenii L. (2001) “The paragraphs of the philosophy of discipleship”, *On the possibility of philosophy*, Genisaretskii, Oleg I., Zilberman, David B., Put, Moscow, pp. 231–245 (in Russian).

Интервью с Гельмутом Гирндтом:

Громько: Почему из всех научных школ Вы в свое время выбрали именно школу Рейнгарда Лаута? Была ли философия Фихте значима для Вас до встречи с ним? И как конкретно произошла Ваша первая встреча с Лаутом?

Гирндт: На эти три вопроса лучше всего отвечать не по отдельности, а вместе.

Я познакомился с профессором Рейнгардом Лаутом во время своего четвертого семестра. До этого я изучал в Кёльне и Бонне философию и социологию. Моими учителями были два выдающихся профессора философии, которых живо помню и сейчас: Карл Хайнц Фолькманн-Шлук, риторически чрезвычайно одаренный, большой знаток философии Хайдеггера, и Бруно Либрукс, столь же выдающийся знаток философии Гегеля. Позже он был приглашен во Франкфурт, где выступал в качестве противника марксистски ориентированных Адорно и Хоркхаймера, последователем которых вскоре стал Хаббермас. Либрукс увлек меня Гегелем настолько, что я продолжил изучать его и после перемены рейнских университетов Кёльна и Бонна на университет в Мюнхене. Здесь я познакомился с профессором, также посвятившим себя немецкой классической философии. Это был Рейнгард Лаут, возглавивший позднее издание Полного собрания сочинений Фихте. Вскоре я стал участником его семинара.

Все профессора, у которых я учился прежде, отвечая на мои вопросы, обычно просто ссылались на тех или иных «великих» из истории философии. Совсем другое дело Лаут: он реагировал на философские вопросы так же, как Сократ, — не считая нужным подтверждать правоту своих ответов признанными авторитетами. Это в первую очередь заставило меня предпочесть его другим известным мне превосходным учителям. В скором времени я ближе познакомился с Лаутом. Он имел привычку приглашать к себе домой на ужин тех студентов, которые ему казались интересными. Его принцип приводить к пониманию только посредством рациональных аргументов был для меня так важен, что я решил учиться у него и дальше. Под его руководством я написал свою диссертацию — «О различии фихтевской и гегелевской систем в гегелевской "Работе о различии"», — вступив в ней в заочную дискуссию с Гегелем. Речь шла о первом критическом исследовании Гегеля с позиции трансцендентальной философии Фихте. Я пришел к выводу, что гегелевское суждение о наукоучении Фихте как варианте субъективного идеализма отнюдь не беспорно. Гегель не только не понял оснований трансцендентальной философии, но, кроме того, его собственная философская позиция, отстаиваемая тогда совместно с Шеллингом, была полностью несостоятельна. Удивительно, но ошибочное суждение Гегеля о наукоучении Фихте никем до меня (за целых сто лет!) не ставилось под вопрос. Вместо этого гегелевский тезис о субъективном идеализме Фихте был повторен Николаем Гартманом и Хайдеггером.

Как я уже сказал, к числу причин, определивших мое решение продолжить учиться в Мюнхене, относилось то, что участники семинара Лаута получали не только

познания в определенной области философии – им также прививалась культура рационального способа аргументации. Как внутри, так и за пределами университета, везде, где постоянно собирались студенты Лаута – будь то у него дома или в студенческих кружках, где изучались и обсуждались труды Фихте, – разворачивались напряженные философские дискуссии. Даже во время случайных встреч студентов Лаута на улице, в кафе или во время долгих ночных посиделок завязывались живые, иногда ожесточенные философские споры. Происходили также увлекательные, плодотворные встречи со студентами, изучавшими другие дисциплины, чаще всего с филологами-германистами, юристами и теологами, во время которых мы шлифовали культуру ведения дискуссий, привитую нам Лаутом. К тому же это было «время экзистенциализма» с его особым стилем глубокой личностной увлеченности. Резюмируя, могу сказать, что без встречи с Рейнгардом Лаутом учение Фихте осталось бы для меня, как и для многих моих современников, закрытым.

Однако справедливости ради следует отметить, что не только Лаут оказывал прямое или косвенное воздействие на изучение работ Фихте в Германии в послевоенное время. Существовал также серьезный философский интерес в других немецких университетах, например, в Кёльне и в Аахене, а позже – в Вуппертале. Там Фихте также изучался, хотя и не с такой интенсивностью, как в Мюнхене. Исследовали Фихте и за рубежом – во Франции, в Италии. Вот почему Фихтевское общество, которое было создано позднее, с самого начала было ориентировано на работу в международном масштабе.

Громыко: Вы являетесь одним из главных организаторов Международного фихтевского общества. Как и почему оно было создано? Насколько трудно было его организовать?

Гирндт: Во время конференции, посвященной Фихте и проходившей 3–8 августа 1987 года в Дойчландсберге в Австрии (первая международная конференция, посвященная Фихте, состоялась десятью годами ранее, 8–13 августа 1977 года также в Австрии в Цветтле), профессор Рейнгард Лаут неожиданно обратился ко мне со словами: «Господин Гирндт, я думаю, настало время создать в Германии Фихтевское общество. Несколькими месяцами ранее мы вместе с профессором Кумамото из Хиросимы основали первое Фихтевское общество. Создайте и Вы такое же!». Еще во время конференции я сообщил о предложении профессора Лаута ряду известных ее участников. Все согласились с тем, что надо учредить *Международное фихтевское общество* и, таким образом, речь сразу зашла о том, кто из коллег должен стать его президентом. Самым заслуженным, помимо Рейнгарда Лаута, исследователем Фихте считался профессор Вольфганг Янке, ординарный профессор Вуппертальского университета. В пору студенчества увлеченный хайдеггерианец, он самостоятельно и совершенно независимо от Р. Лаута пришел к трансцендентальной философии Фихте (тому, кто интересуется немецкой классической философией, полезна будет его замечательная, легко читаемая книга «Die dreifache Vollendung des Deutschen Idealismus. Schelling, Hegel und Fichtes ungeschriebene Lehre», Amsterdam, N. Y., 2009). Именно он и стал в результате первым президентом Общества. Единогласно было принято решение, что выборы президента и правления Общества проходят каждые три года, причем президент может избираться повторно только один раз. Благодаря этому правилу исключалась монополизация властных полномочий, характерная для других философских обществ; выбор был сделан в пользу сохранения многообразия интересов – решение, которое за тридцать лет существования Фихтевского общества полностью оправдало себя. Я стал третьим президентом Общества.

С момента основания последнего в 1987 году статус и значение исследований наследия Фихте очень изменились. Этому особенно способствовали три фактора: участие Общества в публикации трудов Фихте, регулярно проводимые конгрессы, создание при Обществе печатного органа *Fichte-Studien*.

Решающее значение для возрождения интереса к трансцендентальной философии Фихте, безусловно, имела публикация его рукописного наследия в рамках Полного академического собрания сочинений. В 2012 году пятьдесят лет интенсивной издательской работы завершились выходом в свет последнего из 42-х томов. Проект с самого начала возглавил Рейнгард Лаут, после его смерти издание последних девяти томов шло под руководством Эриха Фукса и Питера Шнайдера. Речь идет о беспрецедентном по масштабу проделанной работы предприятии, поскольку большая часть

опубликованного ранее была не известна и представляла собой корпус очень трудно читаемых рукописей. Что касается эпистолярного наследия Фихте, то к поиску его переписки подключились многие европейские библиотеки.

К изданию относятся: 1) уже печатавшиеся произведения Фихте (10 томов), 2) произведения из архива, в основном неизвестные (18 томов), 3) переписка (8 томов), 4) конспекты лекций, сделанные слушателями Фихте (6 томов) и 5) свидетельства и воспоминания современников о Фихте, опубликованные под общим заголовком «Фихте в разговоре» – «Fichte im Gespräch» (8 томов). Также вышел дополнительный том «Фихте в рецензиях современников» (О работе над изданием тома см. в «Fichte edieren» Э. Фукса, а также в «Fünzig Jahre Johann Gottlieb Fichte-Gesamtausgabe», под редакцией Э. Фукса и В. Байервальтеса).

Существенно способствовали возрождению интереса к трансцендентальной философии Фихте разного формата конференции, проходившие в Европе и Америке. Первые конференции, состоявшиеся в Австрии еще в 1974 и 1987 годах по инициативе Р. Лаута, объединяли преимущественно немецких ценителей Фихте. В 2000 году состоялся первый международный конгресс, который проходил под моим руководством. Местом встречи более сотни участников стал Берлинский университет им. Гумбольдта, в котором преподавал сам Фихте без малого 200 лет тому назад. Впервые участие в конгрессе приняли наши коллеги из России. В дальнейшем конгрессы проводились каждые три года: в Мюнхене, Халле, Брюсселе, Болонье и Мадриде, в Эксан-Провансе (2018 г.). Кроме того, как я уже упомянул, распространению знаний о Фихте способствовали многочисленные небольшие конференции, проходившие в самых разных странах. Осенью 2017 года конференция, посвященная Фихте, была организована в Санкт-Петербурге. Ей в 2000 году предшествовала встреча русских и немецких исследователей Фихте в Уфе. Я тоже принимал в ней участие. Не следует забывать также о вкладе в наше общее дело Японского фихтевского общества.

Наконец, интерес к философии Фихте был связан с ростом в последнее десятилетие числа посвященных ей публикаций. Этому особенно способствовали *Fichte-Studien*, которые издает Международное фихтевское общество. За это время в свет вышло 46 (!) томов серии, публикующей результаты современных исследований по теме. Параллельно была основана серия *Fichte-Studien-Supplementa*. Она включает себя монографии по вопросам, связанным с трансцендентальной философией. Как раз на подходе 30-й том.

Громько: Изменилось ли понимание философии Фихте немецким философским сообществом, да и обществом в целом, после издания Полного собрания сочинений Фихте и томов *Fichte-Studien*?

Гурдт: Понимание мышления Фихте явно изменилось. Если сначала и имелось сдержанное сопротивление со стороны приверженцев Гегеля, отреагировавших на появление первой критической работы в адрес Гегеля с позиции трансцендентальной философии, то за это время оно полностью сошло на нет. В 1984 году Рейнгард Лаут смог показать, что позиция, отстаиваемая Гегелем в его работе «Различие между системами философии Фихте и Шеллинга», была опровергнута Фихте еще до ее выхода в свет в 1801 году. При этом Фихте опирался на свою переписку с Шеллингом и на Наукоучение 1801–1802 г., впервые изданное Лаутом только в 1977 году. Стало ясно, что поворот в мышлении Фихте произошел вовсе не после выхода в свет гегелевской «Работы о различии» и был вызван не ею. Также и со стороны «друзей Шеллинга» не возникало больше никакого сопротивления сокрушительной фихтевской критике, направленной в адрес системы тождества.

С постоянно растущим числом томов публикуемого наследия Фихте, материалов конференций и статей в *Fichte-Studien*, аутентичный образ Фихте становился день ото дня яснее. Правда, оценка трансцендентальной философии, сложившаяся в общественном мнении под влиянием Гегеля, могла быть скорректирована лишь постепенно: существовало сильнейшее Гегелевское общество, кроме того, интеллектуальный климат второй половины XX века определялся лево-гегельянцами Франкфуртской школы; а еще имелся управляемый из ГДР круг марксистов. В то время требовалось мужество противопоставить себя, действуя вместе с немногочисленными членами только что основанного фихтевского общества, мнению этого «гегельянского» большинства. Однако вместе с

воссоединением Германии в 1989 году влияние на общественное мнение «гегелевского лобби» сошло на нет. После конгресса 2000 года, прошедшего в Берлине, во время которого было сделано свыше сотни докладов, уже нельзя было не замечать того, что Фихте интересен и значим для наших современников. Тем не менее пресса «поучаствовала» в замалчивании этого факта: *Frankfurter Allgemeinen Zeitung* (а это был главный рупор Германии) так ничего и не написала ни о Берлинском конгрессе, ни о грандиозном проекте Полного академического издания сочинений Фихте.

Что касается современной ситуации, то влияние философских обществ на общественную жизнь Германии теперь уже ничтожно: больше нет идеологически обусловленных дискуссий, которые могли бы пробуждать интерес к философии. В обстоятельствах, которые полностью изменились, обращенные к широкой аудитории популярные работы Фихте не вызывают у публики заметного интереса, в то время как исследование его наукоучений по силам только увлеченным студентам. Надо сказать, что и Фихтевское общество уже многие годы официально не базируется в Германии. Со времени проведения двух международных конференций – в Мюнхене (2003) и в Халле (2006) – подобных крупных мероприятий в самой Германии больше не было. Состоялись только два небольших заседания в Берлине по случаю дня рождения Фихте и дня его смерти. Фихте едва ли присутствует в публичной жизни общества. Очень немногие немецкие профессора-руководители кафедр проявляют интерес к трансцендентальной философии Фихте и в состоянии передавать знание о ней новым поколениям. Тем ограднее интерес, выказываемый наследию Фихте за рубежом: это и небольшие семинары, и международные конференции, проводимые с периодичностью «раз в три года», и то, что Фихтевское общество насчитывает в настоящий момент более сотни членов.

Громько: У нас в стране, да и у вас тоже, предпринимались попытки истолковать философию Фихте как вариант радикального немецкого национализма. Вы же в ряде своих исследований показываете, что учение Фихте об Абсолютном знании универсально и подводит нас к тем же основоположениям, что и восточные учения. Объясните, пожалуйста, почему Вы видите возможным сопоставлять «новое евангелие» Фихте и махаяну? В чем смысл этого сопоставления и сравнения?

Гирьют: На эти вопросы должны быть даны обстоятельные ответы, поэтому позвольте мне порассуждать более пространно.

Лично мне не известны попытки проинтерпретировать Фихте как представителя радикального немецкого национализма, и я не знаю ни одного автора с таким направлением исследований. Как и Кант, Фихте является философом Просвещения, хотя он критиковал жесточайшим образом таких известных его представителей, как Локк в Англии, якобинцы во Франции и так называемое берлинское Просвещение за их рационалистическую банальность – так же, как и Достоевский в России. В отличие от англо-саксонской традиции философия морали в немецком Просвещении занимала центральное место; это относится к Лейбницу, а к Канту особенно, а также к Шиллеру, Новалису, Клейсту и, само собой разумеется, к Фихте, который, помимо этого, был «мыслителем трансцендентности». Вот почему многие известные мне исследователи Фихте являются также верными католиками. Мышление Фихте, ориентированное на универсалии, – это выражение не абстрактного рационализма, но свободы – манифестация сверхчувственного. Поэтому оно стало источником вдохновения для романтиков, в первую очередь для Новалиса. А романтизм – это движение, признававшее уникальность не только личности, но и каждой национальной культуры, а также значимость культурного многообразия как источника творческих способностей человечества. Универсализм мышления Фихте исключает всякий национализм, не признающий ценность других наций и исходно не уважающий их. В 1806 году, когда Фихте читал свои «Лекции к немецкой нации», он это делал в Берлине, оккупированном Наполеоном. Несмотря на единодушное неприятие немцами французской оккупации, Фихте не забыл упомянуть, что своим учением о праве и государстве он обязан идеалам французской революции. Более того, французы были для него выдающейся нацией, имеющей всемирно-историческое значение: ее особая задача, по мнению Фихте, состояла в объединении разных культур. Фихтевское понимание нации – то, которое было воспринято обществом во время

освободительной войны против Наполеона, — не имеет ничего общего с иррациональным культом нации XX века.

Еще более серьезное обвинение против Фихте состоит в том, что он якобы был антисемитом. При этом обыкновенно не делают различия между расистским антисемитизмом второй половины XIX века во Франции и антииудаизмом, который был характерен для всех христианских стран вплоть до эпохи Просвещения и свидетельствует о религиозном, а вовсе не о каком-то расистском неприятии. Статья Эриха Фукса [Fuchs 1990], проливающая свет на этот вопрос, и основательная, более чем на 400 страниц, работа Ханса Йохима Бекера [Becker 2000], озаглавленная «Фихтевская идея нации и иудейство», должны быть изучены каждым, кто говорит на эту тему.

Кроме того, я хотел бы подчеркнуть, что Фихте был первым, кто развил на основе идей Лейбница и Канта теорию *личностного признания*. Известная глава из гегелевской «Феноменологии духа» о *господине и рабе*, которая играла важную роль в марксизме, основывается на фихтевской концепции, как и учение Мартина Бубера о *Я и Ты*. Учение Фихте о признании, фундаментом которого является идея свободы, а *rigōi* исключает дискредитацию по социальному или национальному признаку.

Теперь об универсальности фихтевской философии и об исследованиях, которые вывели меня за пределы западной философии к восточным учениям. С самого начала мышление Фихте было направлено на решение проблемы единства теоретического и практического разума, завещанной Кантом. Это единство не могло находиться в поле дискурсивного мышления, которое знает единство только как то, что помыслено в качестве отличного от мышления о нем. Так как же преодолеть это разделение и найти единство, лишенное двойственности? Исключительно посредством выхода за пределы дискурсивного мышления, мыслящего о его различиях. Таков путь, который необходимо было понять и пройти, чтобы найти «вход» в учение Фихте — открыть его принцип. Кант не смог вырваться за пределы дискурсивного мышления и сделать шаг навстречу тому, что Фихте назвал «Я» или «Яйность». Я как непротиворечивое единство постижимо только в дорефлексивном мышлении. Напротив, конечное Я постигает себя только как индивидуальное и отличает себя от других Я лишь опосредованно.

Абсолютное Я, как Фихте еще называет принцип чистого дорефлексивного сознания, сравнимо с небесным светом, в котором впервые проявляются все различия. И так же, как блеск небесного света позволяет засверкать утренней капле росы, в которой он отражается, так и абсолютное Я трансцендентальной философии является источником всех индивидуальных Я. В этом месте влияние Лейбница на мышление Фихте отрицать невозможно.

Гегель принял это «Я» трансцендентальной философии за высшую инстанцию *внутри системы мышления* — за принцип субъективности, которому противостоит принцип объективности. А также за нечто относительное, что могло бы быть развито до объемлющей системы посредством натурфилософии Шеллинга. Это гротескное и ложное понимание вплоть до наших дней — т.е. уже более двух веков — определяет описание концепций немецкой классической философии. Так, по крайней мере, дела обстоят в России.

Теперь о Фихте и Востоке. С самого начала моих занятий Фихте меня интересовала не только полемика Гегеля с трансцендентальной философией, но также, в какой-то мере, вневропейское мышление. В учении Упанишад, являющемся самым древним учением о знании и мудрости человечества, также говорится об Абсолютном Я как источнике и цели всякого знания, стремления и существования (Рудольф Отто был первым, кто в работе «Западно-восточная мистика» 1926 года изучил связь между восточными учениями и мыслью Фихте). К сожалению, во времена моего студенчества в Мюнхене я не нашел исследователей, которые могли бы помочь мне приблизиться к индийской мудрости. Ни у кого из друзей я также не видел желания лучше узнать древние учения Азии. Впервые по-настоящему я познакомился с адвайтой-ведантой, учением о недualityности, основывающемся на индийских Упанишадах, во время своих более поздних поездок в Индию. Да и буддизм впервые открылся мне благодаря коллегам из Кореи и Японии. Эти встречи побудили меня к исследованиям, которые нашли свое отражение в целом ряде статей (7). Кстати сказать, в 2017 году вышел в свет 46-й том *Fichte-Studien* с работами японских и немецких коллег

под заглавием «Ничто и Бытие»: буддийская теория знания и трансцендентальная философия (*Das Nichts Und Das Sein: Buddhistische Wissenstheorien Und Transzendentalphilosophie*). В нем прекрасно представлено родство азиатского и европейского мышления, исходя из перспективы трансцендентальной философии. Я считаю, что этот интерес к универсальному познанию, выходящему за пределы культурных границ Европы, роднит меня с Лейбницем. Он был первым философом, кто еще в XVII веке непредвзято интересовался китайской мыслью, в особенности этикой.

Фихте, напротив, несмотря на знакомство с индологом Фридрихом Шлегелем, не испытывал никакого интереса к внеевропейскому мышлению. Его слишком сильно занимали вопросы, связанные с универсальными структурами знания. Артур Шопенгауэр, который какое-то время слушал лекции Фихте, посвященные наукоучению 1812 года, был первым, кто признал философское родство индийского мышления с европейским. А после него его ученик Пауль Дейссен познакомил образованную общественность с индийской мыслью (правда, к сожалению, он ничего не понял у Фихте). Учитывая наметившуюся еще в конце XIX века тенденцию, остается абсолютно непонятным полное отсутствие у подавляющего большинства профессоров, заведующих кафедрами философии в Германии, интереса к восточной мысли. К числу авторов, представляющих редкое исключение, можно отнести Карла Ясперса. Выдвинув гипотезу «осевого времени», он выявил общее историческое происхождение и родство азиатских и европейских учений о мудрости и знании.

Фихте, впрочем, заметил относительно происхождения своего учения, что оно так же старо, как христианство, и более того — так же старо, как мир. Таким образом он указал не только на открытую им истину как вневременную, но и на то, что его учение, как и математика, может быть обнаружено в учениях других времен и других народов. Индийские Упанишады и конкурирующее с ними учение буддизма (как и китайский даосизм), кажется, являются историческим подтверждением этой интуиции Фихте, хотя, конечно, необходимо дальнейшее изучение этой темы — только тонкий анализ способен раскрыть и объяснить в полной мере суть сходства таких способов мышления, как восточный и европейский. И хотелось бы отметить, что далеко не везде сходства выступают столь явно, как в учении об Абсолютном Я. Тем не менее не стоит забывать, что восточные учения древнее греческой философии, и нельзя игнорировать ее родство с ними, как и родство между платоновским мышлением и фихтевской трансцендентальной философией.

Тем, кто открыл связь между дальневосточной мыслью и трансцендентальной философией, был Китаро Нисида, японский философ и буддист, умерший в 1945 году. Хотя Нисида был знаком только с ранним наукоучением Фихте, тем не менее философия «позднего» Китаро Нисиды развивалась в полном согласии с «поздним» Фихте. Через десять лет это обстоятельство и побудило последователей Китаро Нисиды к созданию Японского фихтевского общества. Встает вопрос: что общего с трансцендентальной философией имеют такого рода учения, как махаяна, веданта, исламский суфизм, а также, скажем, христианские, вроде учения Мейстера Экхарта? Если в поле зрения держать их внешний облик, несущий на себе отпечаток различных культур и эпох, такую «общую единицу» не найти. Иначе обстоит дело со всеми имманентными им учениями о знании, что открывается, однако, только трансцендентально-философскому взгляду. И там, где такие учения обнаруживаются, возникает в качестве новой области исследования единство европейских и неевропейских теорий знания.

Громько: Расскажите, пожалуйста, о тех международных семинарах, которые Вы в течение нескольких лет организовывали и проводили в Дубровнике. Чем определялся выбор того или иного произведения Фихте для коллективных герменевтических штудий?

Гирндт: После ухода на пенсию в 2000 году я выступил с предложением руководить интенсивным исследовательским семинаром во время летнего семестра Университета Дубровника (Хорватия).

Семинар был задуман как посвященный в значительной степени неизвестному позднему творчеству Фихте и должен был содействовать глубокому пониманию его сочинений молодыми учеными, интересующимися философией Фихте. Наряду с наукоучением Фихте предметом рассмотрения должна была также стать трансцендентальная логика.

Результат состоявшихся совместных исследований представлен в том числе в 26-м томе *Fichte-Studien*, где опубликован коллективный комментарий к кёнигсбергскому наукоучению 1807 года. В течение последних лет совместные исследования продолжались в частном пространстве испанской усадьбы одного из президентов международного фихтевского общества, занявшего этот пост уже после меня. Такой формат встреч давал мне больше свободы решать, кого приглашать на семинары. Специалисты, интересующиеся философией Фихте, встречались в Испании для проведения совместных исследований в течение еще нескольких лет.

Громыко: В чем Вы видите особую актуальность философии Фихте сегодня? Для развития современных наук, в том числе наук о человеке? Для решения политических проблем?

Гирндт: На примере Фихте можно учиться тому, как следует противопоставлять натуралистическое заблуждение подлинному видению: тому, что *есть* именно дух, без которого не могло бы быть мира, существующего не в себе и из себя, но всегда только в качестве того, что познается в сознании, а также тому, что мир не мог возникнуть только благодаря природным процессам, как то считают современные физикалисты-космологи и эволюционисты-дарвинисты. Наукоучение Фихте, основывающееся на выводах Канта, опровергло натурализм, исходящий из гипотетических допущений, таким способом, который не был использован ранее, и завершилось разработанным учением о знании, начало которому положили великие философы античности. У Фихте можно учиться уникальному и непревзойденному методу что-то *знать* — тому, *что это* значит.

И решению политических проблем можно учиться у Фихте, как и у Канта — тому, что основой политического действия может быть только ориентация на идею права и на вытекающую из нее идею уважения исторически сложившихся особых социальных и духовных традиций.

Что касается развития наук о человеке, то здесь может быть значимо то, что человек существует не только как телесное, но также как духовное существо, которое должно быть познано и рассмотрено именно в качестве такового. Думаю, здесь уместно вспомнить внешне противоречивую формулу экзистенциализма: человек **есть** (по своему духовному происхождению) **тот, кем он фактически не является, и он не является** (фактически) **тем, кто он есть** (по своему духовному происхождению).

Я убежден, что мысли Фихте уготовано большое будущее.

(Беседу вела и перевела с немецкого Н.В. Громыко)